

УРОВНИ ИЗУЧЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ: МИРОВОЙ, ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ, СТРАНОВЫЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ, ЛОКАЛЬНЫЙ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Переопределение понятия модернизации. В свое время уральскими историками было предложено определение модернизации как всеобъемлющего процесса инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному, индустриальному обществу (*определение 1*)¹. Подобное определение в целом правильное, однако оно спрямляет зигзаги реальных модернизационных процессов, не отражает всей сложности и противоречивости переходной эпохи, переходных процессов.

Во-первых, следует учитывать гетерохронность переходного периода. Понятие переходный период применяется ко всему обществу на протяжении какого-то интервала времени, короткого или длительного. Однако общество представляет собой сложный агрегат, имеющий множество измерений и множество уровней, скорость изменений которых может существенно варьироваться. Здесь можно сослаться на концепцию исторических времен, предложенную Ф. Бродемом: три уровня, различающихся скоростью происходящих в них изменений, — 1) «длительная временная протяженность» (*longue durée*) медленных, почти неподвижных взаимоотношений общества и природы, привычек мыслить и действовать; 2) динамика экономических и социальных структур, скорость изменений которых измеряется десятилетиями и 3) событийная динамика политической истории, измеряемая хронологическими датами².

Детализация изучаемых объектов позволяет разрабатывать более дробные схемы, включающие большее количество уровней и исторических ниш со своими темпоральными механизмами, оказывающими воздействие на динамику переходной эпохи в целом.

Так, шведский социолог и культуролог Й. Форнюс полагает, что для рассмотрения процессов модернизации недостаточно двух ана-

литических полюсов — стабильность VS изменения. По его мнению эпоха модернити не может состоять только из твердых, устойчивых структур, или только из быстрых, случайных изменений. Следует различать, по крайней мере, 4 типа различных исторических процессов. Это, во-первых, устойчивые структуры; во-вторых, быстрые, непредсказуемые случайные события; в-третьих, волнообразные периодические циклы, вызываемые, например, регулярными сменами поколений или циклическими кривыми капиталистической экономики, и, наконец, в-четвертых, собственно направленные, векторные процессы модернизации. Все 4 типа сосуществуют в рамках эпохи модерна и все они, по мнению Форнюса, в аналитических целях должны рассматриваться обособленно, хотя очевидно их взаимодействие в реальности³

Во-вторых, в основе созидания исторической ткани переходных периодов лежит полиморфизм как ведущий организационный принцип. Следствием дифференциации темпов изменения социальной материи становится длительное сосуществование разнотипных, разнотипных, разнотипных социальных механизмов (укладов, анклавов), сегментов, проектов, которые функционируют отнюдь не в вакууме, а в плотном историческом контексте, образуя исторические констелляции, оказывая друг на друга воздействия, приводящие к обоюдным трансформациям. Проблема здесь состоит, с одной стороны, в том, что механизмы функционирования укладов и анклавов в инородном контексте могут подвергаться коррекции, которая должна стать предметом скрупулезного исторического расшифровывания; с другой стороны, общая динамика переходных периодов не может элементарно подсчитываться путем арифметического суммирования динамик ее составляющих, но требует разработки специальных теоретико-методологических подходов.

В-третьих, в контексте переходной эпохи происходит формирование, «становление» социальных структур, которые поэтому выглядят аморфными, постоянно меняющимися до такой степени, что их основы очень трудно проследить. Именно люди созидают новые структуры, подвергают общество реструктуризации; социальный порядок формируется как коллективный результат индивидуальных выборов и действий — реструктуризация общества в подобной ситуации может рассматриваться как взаимодействие старых коллективных достижений и новых выборов и действий, осуществляемых индивидуальными членами общества. В связи с этим динамизм исторического перехода невозможно сводить лишь к серии реформ, преобразований, проводимых «сверху». История переходного периода должна рассматриваться как арена социальных взаимодействий, делание ее «снизу» людьми, потребности и мотивации которых также подвергаются из-

менениям, адаптируются к запросам времени и, в то же время, оказывают существенное воздействие на рисунок будущего общества.

Переходный процесс можно представить как сложную систему взаимодействий между различными субъектами, в том числе социальными, политическими, территориальными, как сложную череду внутренних и внешних импульсов и реакций на них, положительных, отрицательных или нейтральных; как продолжительный континуум, в рамках которого осуществляется взаимодействие между прошлым, настоящим и будущим, между традицией и новацией, трансформирующее как ту, так и другую. При этом «осовременивание» одной из сфер общественного организма может осуществляться за счет других. Элементы новации и традиции могут принимать самые причудливые конфигурации в контексте конкретного общества, в том числе в моделях образа жизни.

В-четвертых, следует иметь в виду, что динамика переходных периодов детерминирована, помимо факторов внутреннего происхождения, факторами экзогенными. Внешние факторы (системные зависимости, межстрановая конкуренция, демонстрационный эффект, диффузия экзотических инноваций) могут ускорять процессы социальной динамики, могут их корректировать, трансформировать, деформировать или блокировать. Системные зависимости возникают в рамках широких социальных систем (в частности, мир-систем, идентифицированных в рамках мир-системного анализа И. Валлерстайна⁴), имеют структурную, надындивидуальную природу, обеспечивают втягивание в эпоху *modernity* различных страновых массивов, но на разных основаниях, следствием чего становится возникновение разных вариантов модернизации, в т.ч. и т.н. «зависимого развития»⁵, «периферийных капитализма»⁶ и т.д.

Межстрановая конкуренция сопровождается систематическим включением реальных или потенциальных элит в сопоставление реалий собственного общества с реалиями других обществ с последующим заимствованием экзотических инноваций, что ведет в конце концов к определенной социетальной конвергенции. Общества, выступающие пионерами модернизации, должны полагаться на собственные ресурсы и модели. «Последователи» в этом плане оказываются в более благоприятной ситуации; страны, прошедшие первые этапы модернизации ранее, демонстрируют им положительные и отрицательные стороны тех или иных новаций, позволяя, таким образом, не только воспользоваться этими новациями, но и избежать совершенных ранее ошибок⁷.

В итоге переходный период оказывается сложным процессом, не сводимым к элементарному вымыванию устаревших традиций и заме-

не их позитивными новациями. Вообще он не может быть сведен к механическим перемещениям, приращениям и убываниям. Этот неспокойный период оформляется человеческой деятельностью, рефлексией, которая создает общество путем совмещения множества процессов различной направленности, частично перекрещивающихся, частично сближающихся, частично расходящихся, поддерживающих или уничтожающих друг друга.

Учитывая указанные особенности переходного периода, можно предложить следующее определение модернизации (*определение 1*) — это сложный эндогенно-экзогенный направленно-циклический процесс взаимодействия структур и деятельностей, традиций и новаций при переходе от традиционного к современному обществу, в свою очередь, осуществляющийся посредством механизмов и субпроцессов (структурной и функциональной дифференциации, рационализации, индустриализации, урбанизации, демографического перехода, бюрократизации, профессионализации, демократизации, становления современных мотивационных систем, образовательной и коммуникативной революций и т.д.), конфигурация и степень проявления которых варьируются в различных цивилизационно-культурных контекстах.

Использование двух определений позволяет идентифицировать модернизацию общую и специфическую (по аналогии с неозволюционистским разведением общей и специфической эволюции⁸). Первое определение носит абстрактный характер и знаменует идеальнотеретическую модель модернизационного процесса. Второе, также конечно, модельное, может применяться для объяснения конкретных способов адаптации к средовым условиям (социокультурным, историческим, географическим). Следствием подобного разведения становится возможность обсуждения проблемы модернизаций (не единой тотальной, абсолютной модернизации) — временных, цивилизационных, страновых, региональных, протекавших в различные исторические эпохи и в разных пространственных контекстах.

Процессы модернизации можно и следует изучать на разных общественных уровнях, поскольку последние не сводимы элементарно друг к другу, и ни один вывод, касающийся определенной сферы, не может, согласно «закону уровней» З. Кракауэра, автоматически переноситься на более общую сферу.

Системно-мировой уровень. Наиболее высокий уровень обобщения — мировой, уровень мир-системный (функциональная специализация стран ядра, периферии и полупериферии в рамках капиталистической мир-экономики). Применительно к мировому уровню обсуждение модернизационной проблематики можно начинать, вероятно

Второй половины XV — XVI столетий, когда на волне подъема в рамках очередного «векового» цикла в экономической, политической и духовной сферах ряда стран Западной Европы появляются новые черты: развитие рыночных отношений в сельском хозяйстве, которое начало ориентироваться не только на местные, но и на более отдаленные рынки; расцвет торгового капитализма; становление капитализма как части экономической, политической и общественной жизни; рост народонаселения и интенсификация урбанизации; образование государств современного типа; изменения в образе мышления (индивидуализация веры, критическое восприятие Библии).

Начало модернизации в ряде регионов, стран ознаменовало наступление *модерной эпохи* и постепенное втягивание в мировой модернизационный процесс все большего числа территорий как вследствие эндогенных трансформаций, так и в результате колонизации или вынужденных (экзогенных) модернизаций. Процесс протекал с ускорением — и уже к середине XVII в. капиталистическая мироэкономика утвердилась в Европе, консолидировалась до 1760-х гг., а затем — с конца XVIII по начало XX столетия, по мнению И. Валлерстайна, пережила «вторую эру великой экспансии», «втянув» в себя остальной мир.

При этом наиболее развитые страны продвинутой модернизации стали оказывать трансформирующее/деформирующее воздействие на менее развитые, вследствие чего модернизации последних уже не могли протекать по тем же сценариям, которые были реализованы в первых.

Единство развития в контексте системного уровня оказывается своеобразным, поскольку применительно к взаимодействующим территориям функционируют разнонаправленные механизмы, что имеет следствием обратную зависимость между динамиками развития взаимодействующих пространств. Тенденции восходящего развития в одних пространствах вызывают тенденции нисходящего (параллельного, «другого») развития в других. Рост капитализма в странах западного «ядра» вызывает, например, распространение принудительного труда («вторичное закрепощение») в странах Центральной-Восточной Европы (Ф. Бродель, И. Валлерстайн), кризис перенакпления в Западной Европе сопровождается индустриализационным рывком в России на рубеже XIX—XX вв.⁹, деиндустриализация в США в начале 1980-х гг. оборачивается индустриализационным ростом в странах полупериферии¹⁰ и т.д.

Естественно, процессы модернизации имели различные последствия для разных стран — положительные для одних, негативные (деформации, ловушки, тупики развития) для других. Итак, можно гово-

речь об эпохе модерна, modernity (возможно, с XVI в., хотя существуют и более осторожные и ограничительные версии — вплоть до сведения данной эпохи к периоду зрелого индустриального общества XIX столетия¹¹) в целом, имея в виду, что ее характер начинает определять авангард модернизации — вырвавшиеся вперед страны Западной Европы в самом начале, затем — США, сегодня США-Япония-ЕС. Используя данное понятие, мы должны хорошо понимать, что модернизация изначально носила очаговый характер, лишь со временем втягивая разные общества, до сих пор не завершив процесс тотальной современной гомогенизации. Это означает, что существовали и существуют общества, подвергшиеся в разной степени модернизации. Далее, это означает, что существовали и существуют общества, испытавшие воздействие модернизации по-разному: включенные в эпоху модерна на разных основаниях. Наконец, это означает, что существовали и до сих пор существуют общества/сегменты обществ, сохранившие домодерные традиционные устои.

Цивилизационный уровень. Модернизационные процессы приобретали различные конфигурации в разных цивилизационно-культурных контекстах. Цивилизации складывались исторически, под влиянием географических условий, в процессе ответов на вызовы экологической и общественной среды, в результате осуществленных когда-то ценностно-культурных выборов и т.д. Сформировавшиеся как преимущественно надстрановые культурно-исторические массивы, занимающие обычно большие территории, цивилизации в определенном смысле выступали в качестве стратегий выживания, самоорганизации человеческого времени-пространства. Фундаментальные базовые (матричные) структуры и ценности, выступающие в качестве каркаса, ядра цивилизаций, обнаруживают завидную, «вневременную» устойчивость, накладывая отпечаток на цивилизационную динамику, в том числе модернизационную.

Принято считать, что в качестве таких глубинных структур выступают ментальные установки массового сознания; народный характер модели взаимоотношений власти и общества; мотивационные механизмы; представления о жизни и смерти, о любви, о человеческом предназначении; природно-климатические условия и т.д.¹². По существу речь идет о месторазвитии цивилизации и о ее институциональной системе (причем, скорее, о неформальной части последней).

Неформальные институты (культура, традиции, ценностные установки, стереотипы поведения) являются главной частью институциональной системы, напоминая невидимое основание айсберга. Они склонны к устойчивости, трансформируются очень медленно (путем инкрементальных изменений — «малых приращений»), сопротивляют-

ся резким изменениям, переносу чуждых институтов из других обществ или культур. Вследствие этого линия последующего развития всегда задана всей предшествующей институциональной историей общества. Современная институциональная теория объясняет эффект институциональной преемственности свойством возрастающей отдачи институтов (влияние института на общество возрастает прямо пропорционально длительности существования самого института и количеству людей, деятельность которых ему подчиняется) и сетевыми эффектами (скоординированной взаимосвязанностью существующих, устоявшихся институтов)¹³. Однажды выбранную институциональную траекторию трудно покинуть¹⁴, следствием чего становится разновекторность цивилизационных маршрутов развития. Каковы наиболее важные измерения неформальной институциональной системы, значимые для выбора цивилизационной траектории модернизации? Похоже, это: 1) степень отождествления с другими членами общества, т.е. радиус доверия или чувство общности; 2) степень ригидности системы морали; 3) стиль и методы отправления власти; 4) отношение к труду, новаторству, сбережениям, прибыли¹⁵. Как полагает известный американский социолог Л. Харрисон, указанные факторы «вытекают из общего мировоззрения и представления об обществе, из того, что социологи называют “когнитивной ориентацией” или “когнитивным представлением”. Эти представления формируются географическими и историческими факторами ... Анализ этих четырех факторов поможет прояснить связь между ценностями и прогрессом»¹⁶.

Страновой уровень. Национально-страновой уровень модернизации является наиболее разработанным, поскольку именно страна выступала основной аналитической единицей в рамках классических модернизационных исследований начиная с 1960-х гг., в частности, в трудах, базировавшихся на компаративно-исторической методологии. Сравнительно-исторический подход, реализованный в работах представителей модернизационной перспективы (С. Блэк, Ш. Эйзенштадт, Д. Растоу, С.М. Липсет, Б. Мур, Р. Бендикс и др.), был ориентирован на выявление общих стадий или фаз модернизации; особых путей; комбинаций подобных «вертикальных» и «горизонтальных» категориальных классификаций. В итоге были достигнуты определенные успехи в выявлении страновых вариантов модернизации.

К числу наиболее интересных тем здесь по-прежнему относится вопрос о факторах дифференциации страновых ответов на вызовы modernity. Одна из последних концептуальных схем по данному вопросу принадлежит немецкому исследователю Д. Зенгхаасу, который, пытаясь объяснить все нынешнее разнообразие национальных вариантов развития европейского капитализма, выделяет 4 дифференци-

рующих фактора: 1) общий уровень социально-экономического развития, достигнутый страной к тому моменту, когда внешняя конкуренция начинает оказывать непосредственное влияние на внутренний рынок (т.е., насколько значительно уже подверглись традиционные экономико-правовые структуры и продвинулась техническая модернизация в сельском хозяйстве, промышленности и в сфере торговли данной страны); 2) размеры внутреннего рынка (малые страны изначально подвергаются большей внешней конкуренции по сравнению с крупными, поскольку более значительная часть их ВВП участвует во внешнеторговом обороте); 3) время вступления страны в промышленную конкуренцию (чем позднее, тем более велик накопленный страной разрыв со странами-лидерами); 4) выбор экономической стратегии (широкий спектр вариантов адаптации к условиям внешней конкуренции включает как активное участие в международном разделении труда, открывающее возможность успешной модернизации, так и самоизоляцию, сопряженную в перспективе с малопродуктивным хозяйственным дирижизмом)¹⁷.

Далее, следует помнить, что за анонимными структурами и «законами развития» стоят конкретно-исторические действия исторических персонажей, осознанные или неосознанные, массовые или уникальные, что в процессе модернизации всегда шла борьба между разными силами, одни из которых всегда (или временно) поддерживали новации и структурирование новых отношений, а другие постоянно (или, опять-же, в определенные промежутки времени) отстаивали традиционные институты и ценности. При этом на каждой фазе модернизации, в каждый ее момент происходило осмысление, сопровождавшееся переоценкой наследия, выбраковкой устаревшего, разработкой и усилением новационных элементов. Здесь можно сослаться на концепцию рефлексивного модерна, согласно которой процесс модернизации нельзя превращать в элементарный кумулятивный процесс, в рамках которого старое последовательно превращается в новое¹⁸. Таким образом, модернизационный переход следует рассматривать как реальный исторический процесс, результирующий противоборство различных социальных и политических группировок, столкновение мнений и стратегий, полный драматизма, героических рывков вперед и катастрофических отступлений. Это одно из перспективных направлений изучения страновых моделей модернизации.

Региональный уровень. Менее освещенным по-прежнему остается субстрановой уровень модернизационных процессов. Между тем, без исследования субстрановой динамики модернизации вряд ли возможно получение глубоких знаний о сути данного процесса. Необходимость исследования модернизации на региональном (субстра-

новом) уровне обусловлена значимостью пространственных измерений модернизации, территориальной неоднородностью модернизационных процессов, вариативностью «поведения» территориальных единиц в контексте модернизации (конвергенция и дивергенция; восходящая, нисходящая или циклическая динамика). Модернизационные процессы разворачивались в пространственно определенных условиях, которые определяли возможности и ограничения для модернизации, навязывали ей определенный пространственный формат. Страновая модель перехода от традиционности к современности, как и локально ограниченные деятельности, ее создающие, несли отпечаток не только общей логики процесса модернизации (структурная дифференциация, рационализация, мобилизация и т.д.), но и места его протекания.

Отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации распространяется и на территориальные (региональные и субрегиональные) общности, которые могут по-разному вести себя в общестрановом модернизационном контексте — выступать региональным фактором модернизации (например, Москва, Петербург, Урал в Российской империи XVIII в.) или, напротив, тормозом, «якорем» отсталости, амортизирующим модернизационные импульсы, исходящие из центра или более продвинутых регионов (например, Юг в Италии или центральные и южные области в Испании XIX в.). Естественно, складывающиеся в ходе модернизации пространственные конфигурации не остаются неизменными. Тот же Урал, бывший территориальным фактором ранней протоиндустриальной модернизации, в значительной степени растерял ко второй половине XIX в. свой трансформационный потенциал, уступив лидерство в сфере металлургического производства более динамично развивавшемуся Югу (что не отрицает возможности начала в первых десятилетиях XX в. новой масштабной модернизации уральской металлургической промышленности¹⁹).

Локальный уровень. Необъятный простор для исследований представляет локальный уровень. Разнообразие ситуаций модернизации (локальные агенты модернизации или ее противники; реакции локальных сообществ на модернизационные процессы, включение в них или их отторжение, переживание, приспособление, избегание и т.д.) разрастается здесь до наивысших пределов. Самое главное — это самостоятельный уровень исследования, который невозможно заместить знаниями, добытыми, допустим, при изучении страновых или субстрановых модернизационных процессов. Естественно, адекватным инструментом изучения локальных проявлений модернизации может стать микроисторический инст-

рументарий²⁰ с его ориентацией на детальный анализ реальной жизни и взаимоотношений множества людей, стремлением увидеть преломление общих процессов «в определенной точке реальной жизни», установкой на реконструкцию («расплетение») «всякой социальной констелляции» как «результата взаимодействия бесчисленных индивидуальных стратегий».

Примечания

1. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург-Лувен, 1997. С. 88.
2. См.: Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977. С. 115–142. Он же. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. М., 2003, 2004; Он же. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: В 3-х тт. М., 1986, 1988, 1992.
3. Fornas J. Cultural Theory and Late Modernity. London, 1995. P. 25.
4. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001; Он же. Миросистемный анализ: Введение. М., 2006.
5. «Зависимое развитие» стало предметом специального изучения в рамках теории зависимости: Кардозо Ф.Э., Фалетто Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. М., 2002; Шестопал А.В. Миражи Эльзиро в XX веке. Критические очерки буржуазной социологии в Латинской Америке. М., 1974; Он же. Леворадикальная социология в Латинской Америке. Критика основных концепций. М., 1981; Посконина Л.С. Латинская Америка: пути и судьбы «мятежной социологии» // Рабочий класс и современный мир. 1983. № 2. С. 186–189; Он же. Латинская Америка: критика леворадикальных концепций. М., 1988.
6. См.: Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М., 1992.
7. См.: Побережников И.В. Диффузионные механизмы как фактор модернизации власти и общества: теоретико-методологические аспекты // Уральский исторический вестник. 2005. № 10–11: Власть и общество в российской провинции. 302–314; примером продуктивного применения диффузионного подхода в изучении российских модернизаций стали исследования Е.В. Алексеевой: Алексеев Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2004. Она же. Европейская культура в имперской России: проникновение, распространение, синтез. Екатеринбург, 2006.
8. См.: Побережников И.В. Эволюционизм, неозволюционизм и модернизационная парадигма // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2008. 577–581.
9. Например, см.: Кагарлицкий Б. Периферийная империя. Россия и мирская тема. М., 2003. С. 360–375.
10. So A.Y. Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories. Newbury Park, 1990. P. 238–242.
11. См.: Федотова В.Г. Хорошее общество. М., 2005. С. 233.
12. Например, см.: Шаповалов В.Ф. Россия как цивилизация // История России: Теоретические проблемы. Вып. 1: Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения. М., 2002. С. 136.
13. См.: Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997; Он же. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. Т. 1, № 2. С. 69–91; Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория. М., 2002; Нуреев Р.М. Россия: особенности институционального развития. М., 2009; Он же. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М., 2008; Институциональная экономика / Под общ. ред. А. Олейника. М., 2005.

14. Применительно к истории технических стандартов данный феномен объясняется т.н. теорией зависимости от предшествующего пути развития («Path Dependence»). См.: Дэвид П. Клио и экономическая теория QWERTY // Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М., 2007. С. 139–150; Он же. Зависимость от пути развития и исторические общественные науки: вводная лекция // Там же. С. 183–207; Нуреев Р., Латов Ю. Что такое зависимость от предшествующего развития и как ее изучают российские экономисты // Там же. С. 228–256.

15. Харрисон Л. Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М., 2008. С. 19.

16. Там же.

17. См. в книге: Западноевропейские страны: Особенности социально-экономических моделей. М., 2002. С. 15–21; Социально-экономические модели в современном мире и путь России. М., 2005. Кн. 2: Социально-экономические модели (из мирового опыта). С. 311–318.

18. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.

19. См.: Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 447–502.

20. См.: Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 207–234; Леви Дж. К вопросу о микроистории // Там же. С. 167–190; Релина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история. Ежегодник, 1989/99. М., 1999. С. 7–38; Савельева И.М., Полетаев А.В. Микроистория и опыт социальных наук // Там же. С. 101–119; Кром М.М. Историческая антропология. СПб., 2004; Прошлое — крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб., 2003; История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI веков. СПб., 2006.